

[Три поездки Ильи Муромца] (2)

Из того ли из города из Мурома,
Из того ли села да Карачаева,
Была тут поездка богатырская,
Выезжает оттуль да доброй мóлодец,
Старый казак да Илья Муромец,
На своем ли выезжает на добром кони,
И во том ли выезжает во кованом седле,
И он ходил-гулял да добрый молодец,
Ото младости гулял да он до старости.
Едет добрый молодец да во чистом поли,
И увидел добрый молодец да латырь-камешок,
И от камешка лежит три росстани,
И на камешки было подписано:
— В первую дороженку ехати — убиту быть,
Во дру́гую дороженку ехать — женату быть.
Третьюю дороженку ехать — богату быть.

Стоит старенькой да издивляется:
Головой качат, сам выговариват:
— Сколько лет я во чистом поли гулял да езживал,
А ещё такова́го чуда не нахаживал.
Но на что поеду в ту дороженку да где богату быть?
Нету у меня да молодой жены,
И молодой жены да любимой семьи,
Некому держать-тóщить да золотой казны,
Некому держать да платья цветного.
Но на что мне в ту дорожку ехать, где женату быть?
Ведь прошла моя теперь вся молодость.
Как молóдинка ведь взять, да то чужа корысть,
А как ста́рая-та взять, дак на печи лежать,
На печи лежать да киселем кормить.
Разве поеду я ведь, добрый молодец,
А й во тую дороженку, где убиту быть?
А й пожил я ведь, добрый молодец, на сем свети,
И походил-погулял ведь, добрый молодец, во чистом поли.

Но поехал добрый молодец в ту дорожку, где убиту быть.
Только видели добра молодца ведь сядучи,
Как не видели добра молодца поедучи.
Во чистом поли да куревá стоит,
Куревá стоит да пыль столбом летит.
С горы на гору добрый молодец поскакивал,
С холмы на холму добрый молодец попрыгивал,
Он ведь реки-ты озёра меж ног спускал,
Он сини́ моря-ты на окóл скакал.
Лишь проехал добрый молодец Корелу проклятую,
Не доехал добрый молодец до Индии до богатый,
И наехал добрый молодец на грязи на смоленский,
Где стоят ведь сорок тысячей разбойников
И те ли ночные тати-подорожники.
И увидели разбойники да добра молодца,
Старого казáку Илью Муромца.
Закричал разбойничёский атаман большой:
— А гой же вы, мои братцá-товарищи,
И розудаленькии вы, да добры молодци!
Принимайтесь-ко за добра молодца,
Отбирайте от него да платье цветное,
Отбирайте от него да что ли добра́ коня.
Видит тут старый казак да Илья Муромец,
Видит он тут, что да беда пришла,
Да беда пришла да неминуема.
Испрогóворит тут добрый молодец да таково́ слово:
— А гой же вы, сорок тысяч разбойников,
И тех ли татéй ночных да подорожников!
Ведь как бить-трепать вам будет стара некого,
Но ведь взять-то будет вам со старого да нечего:
Нет у старого да золотой казны,
Нет у старого да платья цветнаго,
А и нет у старого да камня драгоценнаго.
Столько есть у старого один ведь добрый конь,
Добрый конь у старого да богатырский,
И на добром коне ведь есть у старого седéлышко,
Есть седéлышко да богатырское,
То не для красы, братцы, и не для басы,
Ради крепости да богатырский,

И что можно было сидеть да добру молодцу,
Биться-ратиться добру молодцу да во чистом поли.
Но еще есть у старого на кони уздечка тесмяная,
И во той ли во уздечки да во тесмяныи
Как зашито есть по камешку по яфанту.
То не для красы, братци, не для басы,
Ради крепости богатырскии.
И где ходит ведь, гулят мой добрый конь,
И среди ведь ходит ночи темныи,
И видно его да за пятнадцать верст да равномерных.
Но еще у старого на головушке да шеломчат колпак,
Шеломчат колпак да сорока пудов.
То не для красы, братцы, не для басы,
Ради крепости да богатырскии.

Скричал-сзычал да громким голосом
Разбойнический да атаман большой:
— Ну что ж вы долго дали старому да выговаривать,
Принимайтесь-ко вы, ребятушка, за дело ратное.

А й тут ведь старому да за беду стало,
И за великую досаду показалоси.
Снимал тут старый со буйной главы да шеломчат колпак.
И он начал старенький тут шеломом помахивать.
Как в сторону махнет — так тут и улица,
Ай в другу отмахнет — дак переулочек.
А видят тут разбойники, да что беда пришла,
И как беда пришла и неминуема,
Скричали тут разбойники да зычным голосом:
— Ты оставь-ка, добрый молодец, да хоть на семена.

Он прибил-прирубил всю силу неверную
И не оставил разбойников на семена.
Обращается ко камешку ко латырю
И на камешки подпись подписывал:
— И что ли очищена тая дорожка прямоезжая.

И поехал старенький во ту дорожку, где женату быть,
Выезжает старенькой да во чистое поле,
Увидал тут старенькой полаты белокаменныи,
Приезжает тут старенькой к полатам белокаменным,
Увидала тут да красна девица,
Сильная поляница удалая,

И выходила встречать да добра молодца:

— И пожалуй-ко-сь ко мне, да добрый молодец!

И она бьет челом ему, да низко кланяются,

И берет она добра молодца да за белы́ руки,

За белы́ руки да за златы́ перстни.

И ведет ведь добра молодца да во полаты белокаменны,

Посадила добра молодца да за дубовый стол,

Стала добра молодца она угащивать,

Стала у добра молодца выпрашивать:

— Ты скажи-тко, скажи мне, добрый молодец,

Ты какой земли есть, да какой орды,

И ты чьего же отца есть, да чьеё матери.

Еще как же тебе именем зовут,

А звеличают тебе по отчеству?

А й тут ответ-то держал да добрый молодец:

— И ты почто спрашивашь об том, да красна девица?

А я теперь устал да добрый молодец,

А я теперь устал да отдохнуть хочу.

Как берет тут красна девица да добра молодца,

И как берет его да за белы́ руки,

За белы́ руки да за златы́ перстни,

Как ведет тут добра молодца

Во тую ли во спальню богатоубрану

И ложит тут добра молодца на ту кроваточку обмансливу.

Испроговорит тут молодёц да таково слово:

— Ай же ты, душечка, да красна девица!

Ты сама ложись да на ту кроватку на тисовую.

И как схватил тут добрый молодец да красну девицу,

И хватил он ей да подпазушки,

И бросил на тую на кроваточку,

Как кроваточка-то подвернулася,

И улетела красна девица во тот да во глубок погреб.

Закричал тут ведь старый казак да зычным голосом:

— А гой же вы, братцы мои да вси товарищи,

И разудалые да добры молодцы!

Но имай, хватай, вот и сама идет!

Отворяет погреба глубокия,

Выпускает двенадцать да добрых молодцев,

И все сильниих могучих богатырей,

Едину́ оставил саму да во погребе глубокоём.

Бьют-то челом да низко кланяются

И удалому да добру молодцу,

И старому казáку Ильи Муромцу.

И приезжает старенькой ко камешку ко латырю,

И на камешки-то он подпíсь подписывал:

— И как очищена эта дороженка да прямоезжая.

Но направляет добрый молодец да своего коня

И во тую ли дороженьку, да где богату быть.

Во чистом поли наехали на три по́греба глубоких,

И который насыпаны поgréба златым-сéребром,

Златым-сéребром, камением драгоценным.

И обирал тут добрый молодец всё злато это сéребро

И раздавал это злато-сéребро по нищей по братии,

И роздал он злато-сéребро по сиротам да бесприютным.

Но обращался добрый молодец ко камешку ко латырю

И на камешки он подпись подписывал:

— И как очищена эта дорожка прямоезжая.

(Записано на Выгозере 16 июля 1871 года от Федора Никитина, около 45 лет.)

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года.

Изд. 4, т. II, 1950. М. — Л.